

Стояла мёртвая тишина.

Лишь мгновение спустя продюсер, который только что гордо объявил себя Полировщиком дерьма, наконец что-то заподозрил и поднял голову:

— Эм, прошу прощения. Я вас как-то обидел?

Джеймс через силу выдавил улыбку и ответил:

— Да нет, что вы! Просто... будьте так добры, после полировки не забудьте покрыть это воском!

И, оставив озадаченного продюсера хлопать глазами, он развернулся и решительным шагом вышел из студии.

Тео, едва сдерживая смех, покосился на опешившего мастера звукозаписи и поспешил за другом.

— Слушай, парень, не бери в голову, — бросил он на ходу. — Он просто пошутил.

— Да я и не думал обижаться, — огрызнулся Джеймс. — Надо бы ещё вежливо поблагодарить этого мудака за то, что он соблаговолил отполировать мою кучу дерьма. Мать его, величайшая честь в моей жизни!

Болдуин мгновенно прыснул и залился краской от безмолвного хохота.

Лансу же было не до смеха. Он молча подошёл ближе и ободряюще сжал плечо Джеймса.

Всё ещё взвинченный Джимми резко обернулся. Но стоило ему встретиться взглядом с Лансом, как злость мгновенно улетучилась.

«Он понимает меня без слов».

И ведь злиться-то было не на кого: никто не хотел его умышленно задеть. Просто уязвлённое самолюбие давало о себе знать. В конце концов:

«Я могу сколько угодно называть собственное пение дерьмовым — это обычное кокетство и скромность. Но когда посторонний мужик поддакивает тебе с важным видом... тут даже у святого зачесались бы кулаки!»

К счастью, Джеймс по природе своей был парнем отходчивым, добродушным и не умел долго дуться. Злость испарилась так же стремительно, как и нахлынула. Вскоре его мысли уже заняло совсем другое.

В холле звукозаписывающей компании «Миксер» красовался застеклённый выставочный стенд. Внутри хранились сокровища рок-н-ролла: бумажник с автографом вокалиста группы «Роллинг Стоунз» Мика Джаггера, раритетные пластинки с подписями всех участников группы «Битлз», футболки с портретами каких-то малоизвестных пианистов и прочая памятная дребедень.

— Мать родную продам за эту подписанную пластинку «Битлз»! — каждый раз, проходя мимо витрины, Джеймс буквально прилипал носом к стеклу и, пуская слюни от вожделения, причитал: — Если кто-нибудь мне её подарит, я для него сделаю всё что угодно!

Ланс, который тоже души не чаял в ливерпульской четвёрке, обычно просто вставал рядом и спокойно рассматривал реликвию. Но его реакция была куда более амбициозной:

— Я бы тоже не отказался. Но знаешь, чего мне хочется больше? Чтобы когда-нибудь здесь выставили наш подписанный альбом.

Вот она — разница в масштабе мышления. Пропась между отличником и неисправимым двоечником.

После того как запись подошла к концу, у ребят образовалось свободное время.

Дэвис изначально планировал договориться о выступлениях в нескольких культовых лондонских клубах и барах, чтобы подогреть интерес к группе, но несовершеннолетие Джеймса связывало их по рукам и ногам. Одно дело играть, пока никто не донёс властям, и совсем другое — рисковать теперь, когда на кону стояли реальные перспективы. Лишние проблемы им были ни к чему.

Взвесив все за и против, менеджер решил отменить потенциальные концерты. Вместо этого он предложил музыкантам воспользоваться передышкой и съездить домой. В конце концов, они уже давно не видели родных мест.

Так совпало, что Эйбел тоже собрался в Ливерпуль вместе с ними.

Строго говоря, поскольку Джеймс ещё не достиг совершеннолетия, его подпись на контракте не имела полной юридической силы. Требовалось официальное одобрение его опекуна. Конечно, можно было не суетиться и просто подождать пару месяцев до его дня рождения, а потом подписать бумаги заново.

Но у Эйбела, кроме рок-группы «Планета», на руках не было других перспективных проектов. Поэтому он решил лично совершить эту поездку: взглянуть на родной город ребят, познакомиться с их семьями и получше узнать их бэкграунд — всё это очень пригодилось бы в будущих пиар-кампаниях.

В отличие от долгого пути в столицу с постоянными остановками ради случайных заработков,

дорога назад пролетела незаметно. Расстояние от Лондона до Ливерпуля по меркам гастролей было сущим пустяком, так что вскоре парни уже вдыхали знакомый воздух родных улиц.

Всё складывалось как нельзя лучше.

Едва въехав в Ливерпуль, музыканты разъехались по домам. Эйбел ради улаживания бумажных формальностей отправился вместе с братьями Джеймсом и Линдом к семейному очагу Лемонов.

И именно там он стал свидетелем весьма забавной сцены.

Перед тем как переступить порог, братья Лемон словно по команде замерли на крыльце. Они придиричиво оглядели друг друга с ног до головы и принялись торопливо отряхивать одежду и поправлять воротники.

Им до смерти хотелось казаться бодрыми, преуспевающими и лощёными — будто они только что вернулись из увлекательного круиза, где сладко спали на мягких перинах и ни в чём себе не отказывали. Никто из них не желал признаваться, что всё это время они скитались по дешёвым углам, перебивались с хлеба на воду и отчаянно цеплялись за призрачный шанс пробиться на сцену.

Лишь закончив этот торопливый марафет, они наконец распахнули дверь.

Старый Джон встретил сыновей с нескрываемым восторгом. Он прямо-таки бросился к ним навстречу, на ходу швырнув куда-то кепку. На его лице сияла широчайшая улыбка. Старик крепко стиснул в объятиях сначала одного, затем другого.

— Слава богу, вернулись! Живые, здоровые!

Однако стоило отцу обнять их, как весь напускной лоск братьев мгновенно испарился.

Джон на секунду запнулся, почувствовав под пальцами выпирающие рёбра, но, щадя мальчишескую гордость, не проронил ни слова. Лишь много лет спустя в одном из интервью журналистам старик обмолвился:

— Да какое там «преуспевающие»! Толку-то от их модных шмоток? Я как обнял их с порога, так сразу всё и понял. Линд исхудал до неузнаваемости, а мой маленький Джимми... у него ручонки и ножки стали тонкими, как сухие ветки.

Но в тот вечер в доме царила чистая, ничем не омрачённая радость встречи.

Джеймс, с капризной гордостью младшего баловня судьбы, важно представил отцу Эйбела и тут же поспешил похвастаться подписанным контрактом.

Старый Джон не поверил своим ушам. Втайне он уже продумал целый план действий на случай, если блудные сыновья вернутся ни с чем: как утешить, как подыскать им какую-нибудь надёжную работу в Ливерпуле... Он и подумать не мог, что его Джимми действительно сумеет пробить себе дорогу к микрофону силой одного лишь голоса. В груди отца смешались безмерная гордость и облегчение.

Однако когда Эйбел протянул ему ручку и указал на пустую графу для подписи, старик вовсе не потерял голову от радости. Напротив, в его манерах проявилась чисто английская, въедливая практичность. С достоинством и без тени робости он произнёс:

— Прошу прощения, джентльмены, но в этих юридических кружевах я ни черта не смыслю. Поэтому я заберу бумаги и покажу знающему человеку. Как только мы всё досконально изучим, тогда и решим, ставить ли подпись.

Эйбел ничуть не обиделся. Напротив, его восхитило, что у Джимми настолько здравомыслящие родственники.

В шоу-бизнесе полно талантов, чьи семьи готовы продать родную кровь за первый же аванс. Будь музыкант совершеннолетним, он бы мог просто послать их подальше, отделавшись парой скандалов в прессе. Но с несовершеннолетними всё сложнее: их сплошь и рядом превращают в дойных коров, высасывая все соки и губя карьеру в самом зачатке.

Впрочем, очень скоро благодушный настрой менеджера сменился глухим раздражением.

Старый Джон слов на ветер не бросал. Раз сказал «изучить», значит, изучить по полной программе. В итоге этот несчастный контракт препарировали буквально по буквам в течение трёх мучительных дней.

Мало того, старик не пожалел денег на приличного стряпчего, чтобы разобрать каждую лазейку и кабальный пункт. После этого они с Эйбелом ещё добрых полдня торговались из-за мелких формулировок, и лишь когда все условия были вылизаны до блеска, Джон Лемон торжественно вывел свою подпись.

От такой дотошности у Джеймса буквально отвалилась челюсть. Даже Линд стоял, пришибленный деловой хваткой собственного отца.

Ответственный старший брат одновременно восхищался родителем и корил себя за поразительное легкомыслие. Он ведь даже не подумал защитить младшего, когда тот впервые подписывал эти чёртовы бумаги! Внутренний реестр Линда пополнился новой важнейшей записью о том, как на самом деле нужно оберегать братишку.

Эйбел рассчитывал управиться за день и сразу рвануть обратно в Лондон — запускать промо-кампанию сингла. Но из-за бдительности старого Джона он застрял в Ливерпуле почти на неделю.

Как только чернила на контракте высохли, раздосадованный импресарио, не теряя ни минуты, помчался в столицу разгребать накопившиеся за эти дни завалы.

К счастью, пиар-отдел звукозаписывающей компании «Миксер» работал как швейцарские часы. Отсутствие менеджера никак не сказалось на процессе: шестерёнки механизма крутились чётко и слаженно.

Первую серьёзную победу одержал отдел радиовещания. Им удалось пробить броню редакторов BBC и договориться о дебютном эфире песни «Гнилая клубника» на следующее утро ровно в шесть часов.

Трудно сказать, как эту новость восприняли остальные участники группы, но Джеймс от возбуждения потерял покой. Он подскочил с постели в районе двух часов ночи, заварил себе огромную кружку крепкого чая и уселся перед радиоприёмником, гипнотизируя его сияющими глазами.

Время тянулось невыносимо медленно, стрелки словно завязли в сиропе.

Когда на циферблате без десяти минут показалось шесть, Джимми порывался было разбудить отца с братом, чтобы разделить триумф. Но в самый последний момент струсил. А вдруг что-то пошло не так? Вдруг сетка вещания изменилась и песню сняли с эфира? Одно дело разочароваться самому, и совсем другое — опозориться перед всей семьёй.

И пока он терзался сомнениями и изводил себя дурацкими мыслями... из динамика внезапно полились до боли знакомые аккорды электрогитары. Часы пробили шесть!

Это неопишуемое чувство абсолютного, незамутнённого восторга накрыло его с головой!

Джеймс подпрыгнул прямо с дивана, выкрутил ручку громкости на максимум и принялся диким зверем носиться по дому, оглашая окрестности воплями:

— Папа! Линд! Живо вставайте! Это моя песня! Моя песня играет! Нас крутят по радио! Чёрт возьми, по радио! Хватит дрыхнуть, подъём! Зажигаем, парни! Зажигаем!

Разумеется, после такого светопрествления Линд со старым Джоном мигом вылетели из своих комнат. Но злиться на нарушителя спокойствия они не думали. Лишь мягко улыбались, беззвучно ворча:

— Да слышим, слышим! Ну ты даёшь, Джимми, просто невероятно!

— Иди сюда, дай хоть послушать нормально.

Джеймс восторженно ткнул пальцем в сторону радиоприёмника, призывая их к тишине.

И в наступившем молчании из динамика полился безупречно чистый, елейный женский голос:

— Чистота, порядок, белоснежный блеск... Свежесть в вашем доме — истинное чудо из чудес! Порошок «Персил» бережно заботится о ваших вещах...

Линд с каменным лицом уставился в потолок, храня гробовое молчание.

Старый Джон растерянно перевёл взгляд с радиоприёмника на младшего сына, затем обратно, и наконец, деликатно кашлянув, попытался спасти положение:

— Эм-м... Ну, знаешь... Голосок такой... звонкий. И поёт очень мило...

— Папа, ради всего святого! Ты о чём вообще?! — взмолился покрасневший от обиды Джеймс.

— Это реклама прачечной! Моя песня только что закончилась!

— Фух, напугал до смерти! — Джон облегчённо прижал ладонь к груди и со вздохом рухнул обратно на диван. — А я сижу и думаю: откуда у моего сына вдруг прорезалось такое нежное сопрано?

<http://bllate.org/book/19389/1999608>